

**«Тоска и радость»: элегии Александра Адуева
в «Обыкновенной истории» как автопародия Гончарова**

В статье предложено аналитическое исследование четырех ранних стихотворений Гончарова, "опубликованных" в 1835 г. в рукописном журнале семьи Майковых «Подснежник». Построенные на типовых мотивах быстротечности времени, бренности земных благ, разочарования и утраты иллюзий стихи рассматриваются как в ближайшем "домашнем", так и в общеэпохальном стилевом контексте, что позволяет отнести их к бытовой элегической традиции. Очевидные для автора «Обыкновенной истории» дилетантизм собственных стихотворений и тривиальность их тематики сделали возможным приписать два ранних текста "запоздалому" романтику Александру Адуеву. Приемы пародирования явлений бытового романтизма у Гончарова сопоставляются с пародийным текстом В. А. Солоницына «Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи», помещенном в 1839 г. в рукописном альманахе семьи Майковых «Лунные ночи».

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обыкновенная история», автор и герой, пародийные приемы, автопародия, поэзия прозаика, бытовая элегия, бытовой романтизм, Майковы, В. А. Солоницын.

Anna Grodetskaya

**"Longing and Joy": Alexander Aduev's Elegies
in "The Ordinary Story" as Goncharov's Autoparody**

The article proposes an analytical study of Goncharov's four early poems, "published" in 1835 in the handwritten journal of the Maykovs family "Podsnezhnik" ("The Snowdrop"). Verses which are built on typical motives of time transience, frailty of life benefits, disappointment and loss of illusions, are examined both in the "nearest home", and in the general epochal style context, that allows to attribute them to the ordinary elegiac tradition. Obvious to the author of "The Ordinary Story" diletantism of his own poems and triviality of their subject made it possible to attribute two early texts to "belated" romantic Alexander Aduev. The techniques of Goncharov's parodying the phenomena of ordinary romanticism are compared to parodic text by V. A. Solonitsyn "A Story of Great Poet Who Began Writing Poems and Stopped Writing Poems", placed in 1839 in the handwritten almanac of the Maykovs' family "The Moon Nights".

Key words: I. A. Goncharov, "Ordinary Story", author and hero, parody techniques, car spoof, poetry of writer, household elegy, household romanticism, Maykovs, V. A. Solonitsyn.

Лиризм был совсем чужд Гончарову; не знаю, может быть, в юности он и писал стихи, как Адуев младший, но, в таком случае, вероятно, у него был и благодетельный дядюшка, Адуев старший, который своевременно уничтожал эту поэзию [1, с. 252–253].

Явление самопародирования Гончарова в «Обыкновенной истории» достаточно давно установлено и неоднократно описано [34, с. 35–37; 32, с. 36]. В текст романа (ч. 1, гл. 2) в качестве примеров поэтического творчества младшего Адуева Гончаров включил два своих ранних стихотворения – «Тоска и радость» и «Романс», сделав их объектом уничтожающей иронии Адуева-дяди. Прочитав в стихах племянника строку: «Гляжу на небо: там луна...», старший Адуев выносит приговор: «Луна непременно: без нее никак нельзя! Если у тебя тут есть *мечта* и *дева* – ты погиб...» [13, с. 224].

О природе диалогов дяди и племянника А. В. Чичерин писал: «Диалоги дядюшки и племянника в “Обыкновенной истории” интонационно выразительны и компактны, хотя художественно они элементарны. Романтическое ротозейство и сухой практицизм несколько плакатны. <...> Два контрастных состава лексики, два разных голоса, две мелодии, идущие друг другу наперекор. В реплике дяди даже что-то вроде преждевременной писаревщины» [35, с. 163].

Критическую реакцию Петра Ивановича Адуева на поэтические банальности в стихах племянника следует признать исключительно актуальной и точной. Преследование романтических «общих мест», расхожих поэтизмов (луна, мечта, дева) в критике 1840-х гг. стало также своего рода «общим местом». Некрасов, например, в рецензии «“Были и небылицы” Ивана Балакирева» (1843) замечал: «...были бы слова да *рифмы*, а *предмета* как не найти, начиная с *луны* и *девы* до могилы и завядшего цветка...» [26, с. 74]. Белинский в рецензии на второй выпуск «Новоселья» (1845) отметил заслугу «Библиотеки для чтения» именно в том, что в своем противостоянии расхожему «энтузиазму» она «воздвигла гонение на стихи с девою и луною» [4, с. 475]. Вал. Майков рецензию «Стихотворения А. Плещеева» (1846) начал фразой: «Стихи к деве и луне кончились навсегда» [23, с. 272]. Появлялись в печати и многочисленные стихотворные пародии под заглавиями «К луне», «Поэт», «Мечта», «К деве», «Тоска» и проч. [31, с. 370–375].

Что представляют собой сами объекты пародии в «Обыкновенной истории»? Ни в одном из автобиографических свидетельств Гончаров не счел возможным упомянуть о своих ранних поэтических опытах. Более того, в

письме к великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) от января 1884 г. утверждал, что за стихи «никогда не брался»¹. Между тем давно установлено, что его первой «публикацией» на страницах рукописного журнала семьи Майковых «Подснежник» за 1835 г.² были четыре поэтических текста: «Отрывок. Из письма к другу», «Тоска и радость», «Романс» и «Утраченный покой» (см.: 13, с. 21–25, 626–630). Авторство Гончарова не вызывает сомнений: среди сотрудников журнала никто, кроме него, не мог подписать свои сочинения инициалом «Г.», а именно так – «Г.....» (т. е. «Гончаровъ») под первым и «Г.» под тремя остальными, подписаны четыре стихотворения, что и послужило для А. П. Рыбасова главным аргументом при их атрибуции и публикации [12].

Стихотворения Гончарова – важнейшее свидетельство его творческой самоидентификации на раннем этапе, позволяющее судить о степени зависимости начинающего автора от господствовавших в то время стилевых норм. Откровенно подражательные, его стихи следуют тематическим, образным, фразеологическим шаблонам массовой поэзии 1820–1830-х гг., а декламационностью и некоторой архаичностью лексических и синтаксических форм напоминают и более ранние образцы. В целом стихотворения Гончарова не ориентированы на конкретные тексты конкретных авторов (исключая, может быть, стихотворение «Утраченный покой») и в этом сопоставимы и с ранними опытами Некрасова в сборнике «Мечты и звуки» (1840), подражательность которых, как отметил В. Э. Вацуро, «сводилась к воспроизведению общих, типовых форм массовой журнальной поэзии» [25, с. 644], и с юношескими стихами Фета в «Лирическом пантеоне» (1840) – «сборнике перепевов прочитанных стихов», запечатлевшем «ходовой байронизм тридцатых годов», с «преобладанием темы “холодного разочарования”» [7, с. 78; 8, с. 19].

В научной литературе высказывалось мнение о подражании Гончарова в ранних стихах В. Г. Бенедиктову [6, с. 141–144; 34, с. 34; 37, р. 16]. Первый сборник Бенедиктова вышел в свет в 1835 г. (ценз. разрешение – 4 июля), ему предшествовала единственная публикация в 1832 г. – стихотворение «К сослуживцу» [5, с. 715]. До 1835 г. Бенедиктов как поэт практически не был известен. Ближко знакомый с семьей Майковых, он помещал стихи в их

---

¹ «Я, с 14–15-летнего возраста, не подозревая в себе никакого таланта, читал все, что попадалось под руку, и писал сам непрестанно. <...> Потом я стал переводить массы – из Гете, например, только не стихами, за которые я никогда не брался, а многие его прозаические сочинения, из Шиллера, Винкельмана и др. И все это без всякой практической цели, а просто из влечения писать, учиться, заниматься, в смутной надежде, что выйдет что-нибудь. Кипами исписанной бумаги я топил потом печки» [15, с. 34; курсив автора].

² О рукописных изданиях Майковых см.: 13, с. 612–620 (примеч. А. Г. Гродецкой).

домашних рукописных изданиях, однако в «Подснежнике» за 1835 г. его стихи отсутствуют, появляясь на страницах журнала лишь в следующем, 1836 г. Едва ли поэзия Бенедиктова могла оказать на Гончарова столь стремительное воздействие.

Феномен исключительного успеха Бенедиктова, возникший после публикации его первого сборника, когда о нем восторженно отзывались В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Я. П. Полонский, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Ап. Григорьев, А. А. Фет, детально исследован Л. Я. Гинзбург [10, с. 102–119; 11]. Создатель и разработчик стиля *вульгарного романтизма* (Тургенев назовет этот стиль «ложно-величавой» школой), Бенедиктов овладел «эффектными темами романтической поэзии», «приподнятой романтической фразеологией», соединив с ней «*галантерейный язык*», «просторечие чиновничьей гостиной и приемной» [10, с. 105, 109]. Белинский во второй статье о Бенедиктове, написанной в 1842 г. в связи с новым изданием его первого сборника, когда стал ясен «сезонный» (Л. Я. Гинзбург), характер его успеха, так определил сферу влияния его поэзии: «...поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы, или истории, или народа, — а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их, с их любовью и любезностью, с их балами и светскостью, с их чувствами и понятиями, — словом, со всеми их особенностями, и выразила простодушно-восторженно, без всякой иронии, без всякой скрытой мысли...» [3, с. 349–350].

Подражать Бенедиктову Гончаров в своих четырех стихотворениях не мог просто в силу хронологических несовпадений. Влияние Бенедиктова не подтверждается и на стилистическом уровне. Эффектные метафоры, резкие парадоксы Бенедиктова, как и разнообразные динамичные метрико-ритмические модели его стихов, не имеют аналогий у Гончарова. Близка, и то лишь отчасти, общеромантическая лексика и фразеология.

Явными эпигонами Бенедиктова в домашних изданиях Майковых выступили их активные участники — юные поэты Владимир Солоницын (младший) [см.: 17] и в еще большей степени Яков Щеткин [см.: 2], однако и в их стихах подражательные элементы появляются далеко не сразу. Влияние Бенедиктова очевидно, например, в стихотворении Солоницына «Просьба моря» в «Подснежнике» за 1838 г. [29, л. 175 об. — 176] и стихотворениях Щеткина «Развалины», «К древнему мечу», «Душа», «Орел» в рукописном альманахе «Лунные ночи» (1839) [22, л. 34–35 об., 59 об. — 60, 75–75 об., 101 об. — 102]. В качестве иллюстрации откровенного эпигонства можно привести заключительные строки стихотворения Щеткина «Душа»: «Полон све-

та, полон славы, / Блеща дивной красотой, / Купол неба величавый / Опрокинут над землей» [22, л. 75 об.]. Начинаящий поэт повторяет известный бенедиктовский образ из стихотворения «Облака» (1835), сохраняя и метрико-ритмический рисунок оригинала; ср.: «Снова ясно, вся блистая, / Знаменуя вешний пир, / Чаша неба голубая / Опрокинута на мир» [5, с. 69].

Неосновательно и высказывавшееся в специальной литературе мнение о зависимости ранних стихотворных опытов Гончарова от поэзии Лермонтова. Основанное главным образом на том, что на первом курсе словесного отделения Московского университета Гончаров учился вместе с Лермонтовым, мнение о его влиянии на Гончарова вступает в противоречие с фактами. Гончаров, по собственному признанию, не только не знал Лермонтова как поэта, но и не был с ним в университетские годы знаком. В воспоминаниях «В университете» он отметил: «Между прочим, – тут был и Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулежа, опершись на локоть. Он не долго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним» [14, с. 236]. Лишь немногие близкие друзья поэта, как известно, имели представление о его юношеской лирике и поэмах. Первое серьезное выступление Лермонтова в печати – поэма «Хаджи Абрек» – относится к 1835 г.

По мнению О. А. Демиховской, влияние Лермонтова «особенно чувствуется» в стихотворении Гончарова «Отрывок. Из письма к другу», в частности, в «поэтическом параллелизме стихийности бури и душевных волнений» [18, с. 66]. Исследовательница процитировала фрагмент стихотворения Гончарова:

Попробуй в страшный бури час
Борьбу стихий унять словами
И заглушить громовый глас
Своими робкими устами;
Скажи волнам недвижно лечь,
Когда их буйный ветер роет;
Когда пучина дико воет,
Вели водам смиренно течь.
Безумно будет то веленье!
Так и душевного волненья
Не укротишь порывов вдруг! <...> (13, с. 21)

В качестве ближайшей параллели ею был предложен набросок юношеской поэмы Лермонтова «Исповедь» (1830–1831):

Когда над бездною морской
Свирепой бури слышен вой
И гром гремит по небесам,
Вели не трогаться волнам
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!.. [18, с. 66]

Однако лермонтовский набросок был впервые опубликован в «Отечественных записках» только в 1859 г., в списках 1830-х гг. он неизвестен [27, с. 20; 20, с. 202]. Факт знакомства с ним Гончарова практически исключен, а параллелизм *бури в сердце* и *бури в природе* является одной из общеромантических поэтических формул, восходящей к поэзии Байрона и широко использовавшейся до Лермонтова.

Мнение о подражании Гончарова Бенедиктову и Лермонтову утвердилось в научной литературе главным образом вследствие ошибочной датировки его ранних стихотворений не 1835-м, а 1835–1836 гг. [см.: 13, с. 613], а год для начинающего автора – немалый срок при стремительно сменявшихся друг друга в середине 1830-х литературных авторитетах.

Более естественно, учитывая многочисленные свидетельства Гончарова о его юношеском «поклонении» Пушкину, искать в его ранних стихах отголоски этого увлечения. Возможно, пушкинскими рифмами подсказаны рифмы *печали/венчали* и *порукой/мукой* в стихотворении «Отрывок» («Не утешай меня, мой друг! / Не унимай моей печали! / Ты сам изведал свой недуг / В тот час, когда ее венчали...»); «Есть чувств возвышенных чета: / Они бессмертья нам порукой, / И жизнь без них была бы мукой...» [13, с. 20–21]). Следовать Пушкину Гончаров мог и в стихотворении «Тоска и радость», изображая внезапную смену лирической эмоции:

Зато случается порой
Иной в нас демон поселится:
То радость пламенной струей
Без зова в душу протеснится;
И затрепещет сладко грудь.
Помянем легкими мечтами
Прошедшего забытый путь;
Вдали ж, пред светлыми очами,
Мелькнет надежд блестящий рой.
И очарует нас собой

Ряд чудных, сладостных видений;
А в настоящем окружит
Толпа веселых сновидений;
И как всё ярко заблестит!
И как тогда весь мир прекрасен,
Как жизни путь и тих, и ясен! [13, с. 23]

Сравним у Пушкина в стихотворении «К ней» (1817): «Но вдруг, как молнии стрела, / Зажглась в увядшем сердце младость, / Душа проснулась, ожила, / Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость. / Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал...». Справедливо отметил в свое время А. П. Рыбасов: «В стихах Гончарова нетрудно заметить и подражание пушкинской интонации. Несмотря на внешнюю их “тремучесть”, стихи не лишены искренности» [32, с. 35]¹.

Вместе с тем пушкинские «вкрапления» не являются определяющими в стилистике ранних гончаровских поэтических опытов. Стихотворение «Романс» представляет собой типичный образец «унылой» элегии в ее романсной жанровой форме, широко распространенной в поэзии 1820–1830-х гг. «Утраченный покой» подражает популярному у русских романтиков стихотворению Шиллера «Resignation» (1784), которому тематически близки отдельные мотивы его не менее популярных «Идеалов» (1795).

Стихи Гончарова принадлежат бытовой элегической традиции [9], как и большая часть стихов в майковских рукописных журналах. На типовых элегических мотивах быстротечности времени, бренности земных благ, одиночества, утраты иллюзий построены помещенные в «Подснежнике» за 1835 г. анонимные «Элегия» и «Позднее раскаяние», также «Разочарование» Евг. П. Майковой, «Разочарование» Ап. Майкова и многие другие. «Элегическая поэтика – поэтика узнавания. И традиционность, принципиальная повторяемость являются одним из сильнейших ее поэтических средств» [10, с. 30]. Ситуация *разочарования*, формировавшаяся как в русле элегической традиции, так и под влиянием творчества Байрона («Все герои Байрона разочарованы, и поэт дает подробное описание их душевного состояния...») [19,

---

¹ Влияние Пушкина отразилось и на лирике юных поэтов домашних рукописных изданий. Пушкинскому «Певцу» («Слыхали ль вы за рощей глас ночной...», 1816) подражал, например, младший Солоницын в сонете «Весеннее чувство»:

Слыхали ль вы, за рощей отдаленной
Певца любви и неги – соловья,
Когда он пел, природой вдохновленный,
И песнь его журчала, как струя? <...> (22, л. 168).

с. 154]), уже во второй половине 1820-х гг. стала общим местом, превратилась в *готовую* поэтическую формулу и позднее неоднократно пародировалась.

На общем фоне индивидуальной особенностью стихов Гончарова стоит признать то, что было отмечено еще их первым публикатором А. П. Рыбасовым: в них «не абсолютизируется разочарование, конфликт между человеком и жизнью» [12, с. 246; 32, с. 35]. Это мнение разделял и Н. И. Пруцков, писавший о стихотворении «Тоска и радость»: «Выраженные в нем разочарование, тоска и сомнения не ведут к безысходному конфликту с миром, не возводятся в абсолютный принцип восприятия действительности, а сменяются оптимистическим прославлением красоты жизни, земных радостей» [30, с. 5]. Состояние тоски и радости у молодого Гончарова, таким образом, даны в относительном равновесии, предстают эмоционально взаимодополняющими и сбалансированными. И не сохранится ли этот изначально лишенный «безысходной конфликтности» баланс в его позднейшем прозаическом творчестве?

Все четыре стихотворения Гончарова (еще раз отметим это) относятся к 1835 г. В первом из них («Отрывок. Из письма к другу») типичными для поэтического стиля времени были как *эпистолярность*, так и *отрывочность*. Можно привести в качестве примера классическое «Невыразимое» (1819) В. А. Жуковского с подзаголовком «*Отрывок*», «квинтэссенцию» его романтической философии [24]. В соответствии с канонами романтической эстетики отрывки и неоконченные произведения служили формой выражения непосредственности чувства. Над литературой, «заваленной *отрывками*», иронизировал, например, Н. Полевой: «Наша русская литература доньше состоит из *отрывков*; по крайней мере, главное содержание оной составляют отрывки литературы французской, немецкой, английской и проч., и проч. Сочинения новых наших поэтов (не говоря о *немногих* исключениях) суть сборники отрывков из Байрона, Гёте, Ламартина, Делавиня, Шиллера и проч. Мы любим журналы и альманахи не потому ли, что это *сборники отрывков*. Наконец, без всяких фигур, наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать» [31, с. 322, 738].

И отрывочность, и незавершенность, как и ряд других формализовавшихся в массовой литературе приемов, очень скоро начали восприниматься как трафаретные и неоднократно пародировались. Пародии такого рода сохраняли актуальность до начала 1840-х гг.

Пародистом собственных ранних стихотворений стал и Гончаров, включив их в текст «Обыкновенной истории». Причиной пародирования был как

очевидный дилетантизм стихотворений (лексические неловкости, строфическая аморфность, монотонность ритма, бедные рифмы), так и, главным образом, их вторичность, тривиальность тематики, следовательно, и недостаток личностного лирического начала. Свои ранние романтические сочинения пародировали Панаев, Некрасов, сходно с Гончаровым – Тургенев в «Дворянском гнезде», приписавший собственное юношеское стихотворение «К А. Н. Х.» поэту-дилетанту Паншину.

Стихотворение «Тоска и радость» вошло в текст «Обыкновенной истории» с незначительными изменениями, акцентировавшими изначально присутствовавшие в стихах поэтические трафареты. Например, после строк: «В эфире звезды, притаясь, / Дрожат в изменчивом сиянье / И – будто дружно согласясь, / Хранят коварное молчанье» [13, с. 22], в стихотворении, которое читает Адуев-дядя, появилась вставка:

Так в мире всё грозит бедой,
Всё зло нам дико предвещает,
Беспечно будто бы качает
Нас в нем обманчивый покой;
И грусти той назва...нья нет... <...>
Она пройдет, умчит и след,
Как перелетный ветер степей
С песков сдувает след зверей [13, с. 225].

Характерны в этой вставке эпигонские повторы пушкинских строк и рифм. Сравним: «Под мостики, в беседки... нет! / Княжна ушла, пропал и след!» («Руслан и Людмила», песнь III); «Проснулся я: подруги нет! / Ищу, зову – пропал и след» («Цыганы»); «Закрыты ставни, окна мелом / Забелены. Хозяйки нет. / А где, бог весть. Пропал и след» («Евгений Онегин», гл. 6, строфа XXXII).

Стихотворение «Романс» (первые семь строк) включено в текст «Обыкновенной истории» без изменений. В этом случае Гончаров, не меняя текста, просто повторил пародийный прием Пушкина, изобразившего в «Евгении Онегине» (гл. 6, строфа XXIII) романтика Ленского задремавшим над своими стихами («На модном слове *идеал* / Тихонько Ленский задремал...») [см.: 21, с. 302]. Петр Иванович застаёт племянника также заснувшим над листом бумаги:

«Он взял бумагу и прочитал следующее:
Весны пора прекрасная минула,
Исчез навек волшебный миг любви,
Она в груди могильным сном уснула

И пламенем не пробежит в крови!
На алтаре ее осиротелом
Давно другой кумир воздвигнул я.
Молюсь ему... но...

– И сам уснул! Молись, милый, не ленись! – сказал вслух Петр Иванович. – Свои же стихи, да как уходили тебя! Зачем другого приговора? сам изрек себе» [13, с. 340].

Рассматривая пародийные приемы Гончарова, следует учитывать ближайший «домашний» контекст его ранних стихов и прозы. Особого внимания заслуживает повесть В. Андр. Солоницына (старшего), вдохновителя и редактора рукописных изданий семьи Майковых, «Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи», помещенная в 1839 г. в альманахе «Лунные ночи» [33].

«Был великий поэт», – этой фразой начинается «Сказание...» [33, с. 501]. В тексте повести пародийно сконцентрированы основные элементы романтического мифа об избранности поэта-творца, поданные с искусственностью в знании предмета профессионального журналиста и редактора (Солоницын был соредктором О. И. Сенковского по «Библиотеке для чтения»).¹ Юный герой «Сказания...», родившийся и учившийся в Казани, уверовал в собственное величие, написав единственную поэтическую строчку «в восточном вкусе»: «Зюлейка! ты – жемчужина Востока!». После чего его «мысли кипели, слагались в стихотворения, и почти каждый день являлся отрывок из новой поэмы в самом восточно-романтическом вкусе» [33, с. 504]. Подбирая в качестве материала для творческих опусов «великого поэта» поэтические трафареты, Солоницын подробно, детально иллюстрирует популярность «восточной» тематики в массовой романтической поэзии рубежа 1820–1830-х гг. Объектом иронии становится у него и превратившееся в романтическое клише представление о сверхчувственном, божественном внушении, под воздействием которого «безотчетно» совершается акт творчества. Занятый созданием поэтических *отрывков* (этот мотив также пародируется в «Сказании...»), великий поэт перестает посещать лекции в университете. «И на что ему? В Казанском университете учат математике, философии, правам; а в

---

¹ См. о нем подробнее: 16; 13, с. 614–618. Повесть отличает поразительное, дотошное знание массовой романтической литературы рубежа 1820–1830-х гг. – поэзии, беллетристики, критики, упоминаемой или цитируемой в тексте: О. И. Сенковского, В. Г. Бенедиктова, Н. И. Надеждина, А. Ф. Вельтмана, И. И. Козлова, А. И. Подолинского, Е. Ф. Розена, Г. В. Геракова, Д. П. Ознобишина и других (см. примеч. А. Ю. Балакина: 33, с. 513–519).

стихах разве пишут о правах и математике? В них говорится о любви, о мечте, о деве, об одиночестве и величии поэта» [33, с. 504]. Солоницын обыгрывает тот же набор расхожих поэтизмов, которые позднее возникнут у Гончарова в «Обыкновенной истории».

Исполненный сознания собственной избранности, презирая толпу («...толпа! ты не знаешь страданий поэта!»), великий поэт приезжает в Москву, где живет его бабушка. В присутствии собравшихся московских гостей должно быть прочитано его стихотворение, начинающееся характерными строками: «Туда! туда!.. Восторг и вдохновенье! / Туда! туда!.. любовь, смерть и мечта!» [33, с. 510]. Солоницын и здесь использует романтический трафарет – популярные у русских романтиков строки из песни Миньоны («Dahin, dahin...») в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Наконец стихи великого поэта, запинаясь, путая слова, не понимая их смысла и сопровождая собственными комментариями, читает вслух бабушка. «Великий поэт давно уже выходил из себя от бешенства: каждое слово его стихотворения, разорванное, истерзанное в устах доброй бабушки, каким-то оглушительным воплем отдавалось в самой глубине души его <...>. Вдруг он закричал, выбежал из комнаты, из дому и упал на снег. Его перенесли на постелью и напоили теплою мятою. К вечеру ему стало легче, но... жребий свершился! он перестал сочинять стихи. Памятником его поэтической жизни осталось только стихотворение, окалеченное бабушкой: прочие погибли в пламени камина» [33, с. 513].

Согласимся, пародийная ситуация у Солоницына достаточно оригинальна. В финале «Сказания...» достигнуто желаемое, как и в романе Гончарова: юный герой лишается необоснованных иллюзий относительного своего поэтического дарования и больше стихов не пишет, а написанные – отправляет в камин. У А. Мазона были основания полагать, что повесть Солоницына, созданная задолго до «Обыкновенной истории», «могла оказать некоторое влияние» на ее автора [36, р. 424–425].

Список литературы

1. Анненский Ин. Гончаров и его Обломов // Анненский Ин. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 251–271 (Лит. памятники).
2. Балакин А. Ю. Знакомый Гончарова поэт Яков Щеткин // Балакин А. Ю. Разыскания в области биографии и творчества И. А. Гончарова. М.: ЛитФакт, 2018. С. 155–180.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 5. 631 с.
4. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. 783 с.
5. Бенедиктов В. Г. Стихотворения / вступ. ст. Ф. Я. Приймы; сост., подгот. текстов и примеч. Б. В. Мельгунова. Л.: Сов. писатель, 1983. 816 с. (Биб-ка поэта. Большая сер.).

6. Бродская В. Б. Наблюдения над языком и стилем ранних произведений И. А. Гончарова // Вопросы славянск. языкознания. Львов, 1949. Кн. 2. С. 137–167.
7. Бухштаб Б. Русские поэты. Л.: Худож. лит., 1970. 248 с.
8. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. Л.: Наука, 1990. 139 с.
9. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. 240 с.
10. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 416 с.
11. Гинзбург Л. Я. Пушкин и Бенедиктов // Гинзбург Л. Я. О старом и новом: статьи и очерки. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 109–152.
12. Гончаров И. А. Неизданные стихи / публ. А. П. Рыбасова // Звезда. 1938. № 5. С. 243–245.
13. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 831 с.
14. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 7. 689 с.
15. И. А. Гончаров и К. К. Романов: Неизданная переписка. К. Р. Стихотворения. Драма / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е. К. Демиховской, О. А. Демиховской. Псков: ПОИПК, 1992. 304 с.
16. Гродецкая А. Г. Солоницын Владимир Андреевич // Русские писатели: 1800–1917: биогр. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 771–773.
17. Гродецкая А. Г., Гаврилова Н. В. Солоницын Владимир Аполлонович // Русские писатели: 1800–1917: биогр. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 773–774.
18. Демиховская О. А. Раннее творчество И. А. Гончарова // Материалы юб. Гонч. конф. Ульяновск, 1963. С. 54–86.
19. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
20. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энци., 1981. 746 с.
21. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
22. «Лунные ночи» (1839), рукописный альманах Майковых // РО ИРЛИ. № 16496.
23. Майков В. Н. Литературная критика. Статьи. Рецензии / сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. Ю. С. Сорокина. Л.: Худож. лит., 1985. 407 с.
24. Манн Ю. В. Выразимо ли невыразимое? // Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 20–30.
25. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. 719 с.
26. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 11. Кн. 1. 471 с.
27. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л.: АН СССР, 1953. Вып. 2: М. Ю. Лермонтов. 367 с.
28. «Подснежник», рукописный журнал Майковых за 1835 г. // РО ИРЛИ. № 16493.
29. «Подснежник», рукописный журнал Майковых за 1838 г. // РО ИРЛИ. № 16495.
30. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: АН СССР, 1962. 230 с.
31. Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л.: Сов. писатель, 1960. 854 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

32. Рыбасов А. П. И. А. Гончаров. М.: Мол. гвардия, 1957. 376 с. (ЖЗЛ).
33. Солоницын В. А. Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи / публ. и комм. А. Ю. Балакина // Лица: Биогр. альманах. СПб.: Д. Буланин, 2001. [Вып.] 8. С. 501–519.
34. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950. 492 с.
35. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1985. 447 с.
36. Mazon A. Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov: 1812–1891. Paris, 1914.
37. Setchkarev Vs. Ivan Goncharov: his Life and his Works. Wurzburg: Jal-Werlag, 1974. 336 p.

References

1. Annenskij In. *Goncharov i ego Oblomov* [Goncharov and his Oblomov] Annenskij In. *Knigi otrazhenij* [Books of reflections]. Moscow: Nauka Publ., 1979. Pp. 251–271 (Lit. pamjatniki).
2. Balakin A. Ju. *Znakomyj Goncharova pojet Jakov Shhetkin* [A friend of Goncharov poet Jacob Shhetkin] Balakin A. Ju. *Razyskanija v oblasti biografii i tvorcestva I. A. Goncharova* [Researches in the field of biography and creativity of I. A. Goncharov]. Moscow: LitFakt Publ., 2018. Pp. 155–180.
3. Belinskij V. G. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Collection of works: in 9 v.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1979. T. 5. 631 p.
4. Belinskij V. G. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Collection of works: in 9 v.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1982. T. 8. 783 p.
5. Benediktov V. G. *Stihotvorenija* [Poems] / vstup. st. F. Ja. Prijmy; sost., podgot. tekstov i primech. B. V. Mel'gunova. Leningrad: Sov. pisatel' Publ., 1983. 816 p. (Bib-ka pojeta. Bol'shaja ser.).
6. Brodskaja V. B. *Nabljudenija nad jazykom i stilem rannih proizvedenij I. A. Goncharova* [Observations over language and style of early works of I. A. Goncharov] *Voprosy slavjanskogo jazykoznanija* [Questions of Slavic linguistics]. L'vov, 1949. Kn. 2. Pp. 137–167.
7. Buhsttab B. *Russkie pojety* [Russian poets]. Leningrad: Hudozh. lit. Publ., 1970. 248 p.
8. Buhsttab B. Ja. A. A. *Fet: Oчерk zhizni i tvorcestva* [A. A. Fet: An Essay of Life and Creativity]. 2-е изд. Leningrad: Nauka, 1990. 139 p.
9. Vacuro V. E. *Lirika pushkinskoj pory: «Elegicheskaja shkola»* [Lyric of Pushkin Epoch: «Elegical School»]. St.-Petersburg: Nauka Publ., 1994. 240 p.
10. Ginzburg L. Ja. *O lirike* [On lyrics]. Moscow: Intrada Publ., 1997. 416 p.
11. Ginzburg L. Ja. *Pushkin i Benediktov* [Pushkin and Benediktov] Ginzburg L. Ja. *O starom i novom: stat'i i oчерki* [About old and new: articles and essays]. Leningrad: Sov. pisatel' Publ., 1982. Pp. 109–152.
12. Goncharov I. A. *Neizdannye stihi* [Unpublished verses] publ. A. P. Rybasova. *Zvezda* [Star]. 1938. № 5. Pp. 243–245.
13. Goncharov I. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t.* [Full collection of works and letters: in 20 v.]. St.Petersburg: Nauka Publ., 1997. T. 1. 831 p.
14. Goncharov I. A. *Sobranie sochinenij: v 8 t.* [Collection of works: in 8 v.]. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1980. T. 7. 689 p.

15. *I. A. Goncharov i K. K. Romanov: Neizdannaja perepiska. K. R. Stihotvorenija. Drama* [I. A. Goncharov and K. K. Romanov: Unpublished correspondence. K. R. Poems. Drama] sost., vstup. st., podgot. teksta, komment. E. K. Demihovskoj, O. A. Demihovskoj. Pskov: POIPK Publ., 1992. 304 p.
16. Grodetckaya A. G. *Solonitsyn Vladimir Andreevich* [Solonitsyn Vladimir Andreevich] *Russkie pisateli: 1800–1917: biogr. slovar'* [Russian writers: 1800–1917: biogr. dictionary]. Moscow, 2007. T. 5. Pp. 771–773.
17. Grodetckaya A. G., Gavrilova N. V. *Solonitsyn Vladimir Apollonovich* [Solonitsyn Vladimir Apollonovich] *Russkie pisateli: 1800–1917: biogr. slovar'* [Russian writers: 1800–1917: biogr. dictionary]. Moscow, 2007. T. 5. Pp. 773 – 774.
18. Demihovskaya O. A. *Ranee tvorcestvo I. A. Goncharova* [Early works of I. A. Goncharov] *Materialy jub. Gonch. konf.* [Materials of the anniversary Goncharov conference]. Ul'janovsk, 1963. Pp. 54–86.
19. Zhirmunskij V. M. *Bajron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literatures]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 423 p.
20. *Lermontovskaja enciklopedija* [Lermontov encyclopedia]. Moscow: Sov. enc. Publ., 1981. 746 p.
21. Lotman Ju. M. *Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij* [A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". Commentaries]. 2-e izd. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1983. 416 p.
22. *«Lunnye nochi» (1839), rukopisnyj al'manah Majkovyh* ["Moon Nights" (1839), Majkovs' handwritten almanac] *RO IRLI* [Manuscript department of IRLI]. № 16496.
23. Majkov V. N. *Literaturnaja kritika. Stat'i. Recenzii* [Literary criticism. Articles. Reviews] sost., podgot. teksta, vstup. st., primech. Ju. S. Sorokina. Leningrad: Hudozh. lit. Publ., 1985. 407 p.
24. Mann Ju. V. *Vyrazimo li nevyrazimoe?* [Whether inexpressible is expressible?] Mann Ju. V. *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1995. Pp. 20–30.
25. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t.* [Full collection of works and letters: in 15 v.]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. T. 1. 719 p.
26. Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 15 t.* [Full collection of works and letters: in 15 v.]. Leningrad: Nauka, 1989. T. 11. Kn. 1. 471 p.
27. *Opisanie rukopisej i izobrazitel'nyh materialov Pushkinskogo Doma.* [Description of manuscripts and fine materials of Pushkinsky House]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1953. Vyp. 2: M. Ju. Lermontov. 367 p.
28. *«Podsnezhnik», rukopisnyj zhurnal Majkovyh za 1835 god.* [«Snowdrop», Majkovs' handwritten journal on 1835] *RO IRLI* [Manuscript department of IRLI]. № 16493.
29. *«Podsnezhnik», rukopisnyj zhurnal Majkovyh za 1838 god.* [«Snowdrop», Majkovs' handwritten journal on 1838] *RO IRLI* [Manuscript department of IRLI]. № 16495.
30. Prutskov N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [The Skill of Goncharov-novelist]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1962. 230 p.
31. *Russkaja stihotvornaja parodija (XVIII – nachalo XX v.)* [Russian poem parody (XVIII – early XX century)] vstup. st., podgot. teksta i primech. A. A. Morozova. Leningrad: Sov. pisatel' Publ., 1960. 854 p. (B-ka pojeta. Bol'shaja ser.).
32. Rybasov A. P. *I. A. Goncharov.* Moscow: Mol. gvardija, 1957. 376 p. (ZhZL).

33. Solonicyn V. A. *Skazanie o velikom poiete, kotoryj nachal pisat' stihi i perestal pisat' stihi* [A Tale of Great Poet Who Started Writing Poetry and Stopped Writing Poetry publ. i komm. A. Ju. Balakina] *Litsa: Biogr. al'manah* [Persons: Biogr. almanac]. St.-Petersburg: D. Bulanin Publ., 2001. Vyp. 8. Pp. 501–519.
34. Tsejtlin A. G. *I. A. Goncharov*. Moscow: AN SSSR, 1950. 492 p.
35. Chicherin A. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilja: Povestvovatel'naja proza i lirika* [Essays on the history of Russian literary style: Narrative prose and lyrics]. 2-e izd., dop. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1985. 447 p.
36. Mazon A. *Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov: 1812–1891*. Paris, 1914.
37. Setchkarev Vs. *Ivan Goncharov: his Life and his Works*. Wurzburg: Jal-Werlag, 1974. 336 p.

ISSN 2541-9803

**ART LOGOS
(ИСКУССТВО СЛОВА)**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019
№ 4(9)

**ART LOGOS
(THE ART OF WORD)**

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 4(9)
2019

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Т. В. Мальцева</i> Восточная тема в русской документальной прозе XIX века	6
<i>А. Г. Гродецкая</i> «Тоска и радость»: элегии Александра Адуева в «Обыкновенной истории» как автопародия Гончарова.....	20
<i>Н. Е. Щукина</i> Символика Пасхального цикла в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»	35
<i>И. Б. Ничипоров</i> А. П. Чехов в прочтении А. Солженицына	45
<i>Е. В. Никольский</i> Типология женских характеров и судеб в произведениях Всеволода Соловьёва о русской истории XVII века	54
<i>Д. Вальчак, Е. В. Никольский</i> Архетип антихриста в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»	68
<i>Д. А. Майорова, О. Ю. Осьмухина</i> Принципы создания фантастического мира в прозе И. Ефремова (на материале романа «Час быка»).....	85
<i>М. С. Фомкин</i> Поэтическая картина мира Юсуфа Баласагуни (к 950-летию поэмы «Кутадгу Билиг»)	98
<i>М. Н. Дробышева</i> Роль биографического контекста в изучении творчества писателей Далматинско-Дубровницкого региона эпохи Ренессанса.....	141

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>С. А. Самолетов</i> Основные тенденции в развитии языка печатных СМИ (на примере местных газет Ленинградской области).....	158
---	-----

УЧИТЕЛЯ И СОРАТНИКИ

<i>А. В. Жуков</i> Пути-перепутья Николая Лаврова.....	165
Сведения об авторах	173